

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Р У С С К И Й Д Е Т Е К Т И В

а л е к с а н д р

Г О Р С К И Й

A woman with long hair, seen from behind, holds a large black umbrella. She stands on a wet, cobblestone street at night. The scene is shrouded in fog, with streetlights casting a soft glow. Bare trees and a fence are visible in the background.

ДЕЛО
МОЛОДЫХ

Полковник Реваев. Дело особой важности

Александр Горский

Дело молодых

«Центрполиграф»

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Дело молодых / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2020 — (Полковник Реваев. Дело особой важности)

ISBN 978-5-227-09287-8

Среди бела дня рядом с элитным столичным вузом в машине расстреляны молодые люди: два парня и две девушки. Один из погибших – сын крупного бизнесмена со связями во властных структурах, поэтому дело поручают группе полковника Реваева, лучшего специалиста следственного комитета. В ходе следствия становится известно, какими неприятными людьми были потерпевшие: за всеми числятся, мягко говоря, неблагоприятные поступки. Убийство молодых людей все больше походило на совершившееся возмездие...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09287-8

© Горский А. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Горский

Дело молодых

© А. В. Горский, 2021

© «Центрполиграф», 2021

Глава 1

За два с половиной года до девятого сентября

В двадцати метрах от входа грохотавшую внутри музыку почти не было слышно, доносился лишь ритмичный гул басов, от которого, казалось, качались старые стены бывшего завода, четыре года назад переделанного в ночной клуб. Егор вдохнул полной грудью и на несколько секунд задержал дыхание, затем медленно выпустил изо рта воздух, глядя, как струйка белого пара устремляется вверх и там рассеивается, бесследно исчезая в мутном, иссеченном неровным светом фонарей небе ночного города. Несколько часов назад, когда он заходил в клуб, было гораздо теплее, а сейчас, похоже, температура опустилась почти до нуля. А ведь уже почти середина марта! Егор мечтательно запрокинул голову к небу, пытаясь разглядеть звезды, но бьющий прямо в лицо свет ближайшего фонаря не позволил ему ничего увидеть. Да и не будь этих дурацких фонарей, наверняка небо, как обычно, затянуто серыми тучами, сквозь которые и солнце-то с трудом находит себе дорогу, не говоря уже о звездах или луне, которая тоже где-то спряталась. А ведь есть же на свете такие страны, где не то что в апреле, там даже в январе тепло. Нет, не так. Днем там жарко и солнечно, а ночью тепло и звездно. Егор нашарил в кармане пиджака брелок сигнализации. Конечно, глупая была идея – поехать в клуб на своей машине. Сейчас, среди ночи, пока будешь добираться до Кузьминок, тебя пару раз остановить точно успеют. А дальше начнется. Чем это тут у вас пахнет? Давайте подышим в трубочку. Что будем с вами делать? А что с нами делать, ничего не надо с нами делать. Денег у меня все равно столько нет. Говорят, сейчас меньше чем за полтинник не отпускают. А где взять такие деньги? Пятьдесят тысяч! Нет уж, бумер придется оставить здесь, а завтра за ним вернуться. Он уже древний, вряд ли кто на него позарится.

– Ну что, Егорыч, по домам или ко мне двинем? У меня до послезавтра полигон свободен. – Однокурсник Егора, Димка Лебедев, прислонившись к фонарному столбу, лениво разглядывал стоящих у входа в клуб девушек.

– И что мы там делать будем на твоём полигоне, телевизор разглядывать? – Егор подтянул молнию на куртке под самое горло и сунул начавшие замерзать руки в карманы. – Зря ты тех девиц бортанул, сейчас бы вместе с ними и рванули.

– Да ладно, – уверенно отмахнулся Димка, – там сразу понятно было: такие хищницы, они бы с нами еще полчаса посидели, мы бы вообще без денег остались. Да и куда бы они с нами поехали? Ко мне в Бескудниково? Сильно сомневаюсь. Просто, брат, мы с тобой так божественно красивы, что они экстраполировали наши внешние данные на данные внутренние, – Димка похлопал себя по нагрудному карману, в котором лежал бумажник, – а там, увы, большое несовпадение.

– Ну, тогда по домам, – заключил Егор.

– Погоди, – Димкино лицо приобрело сосредоточенное выражение, – вон две девочки стоят, – по виду совсем неиспорченные. Мы их сейчас быстренько сагитируем провести время с двумя галантными кавалерами, тогда и рванем.

Как неиспорченность девушек могла сочетаться с возможностью уговорить их поехать неизвестно с кем неизвестно куда, Егору было не очень понятно, но спорить с приятелем он не стал. Димка был везунчик, и у него иногда прокатывало такое, на что при обычном стечении обстоятельств рассчитывать не приходилось. Взъерошив свою светло-русую, как у персонажа старого советского фильма про Электроника, шевелюру, Димка устремился к девушкам, стоявшим недалеко от входа в ночной клуб и о чем-то переговаривающимся между собой.

Немного выждав, Егор неторопливо направился следом, предоставляя возможность приятелю проявить свой дар убеждения.

Что именно сказал Димка, Егор не услышал, он лишь увидел, как девушки рассмеялись в ответ, а однокурсник обернулся и ободряюще взмахнул рукой.

– А вот это человек гораздо интереснее меня, – представил он Егора, – краса и гордость нашего факультета, человек, которого сам Цукенберг мечтает заполучить в свою команду, величайший программист завтрашнего времени...

Обе девушки одновременно посмотрели куда-то влево, за спину кривляющемуся Димке, и их лица поскущнели. Егор не успел повернуть голову, как его кто-то задел плечом, а потом между двумя приятелями и девушками возникла невысокая широкоплечая фигура, одетая во все черное.

– Ну все, мальчики, будем прощаться, – улынулась одна из девушек, – нам пора.

Она сделала было шаг в сторону, но только что появившийся мужчина схватил ее за руку.

– Подожди! – Голос мужчины, как и внешность, явно выдавал в нем южанина. Он шагнул вперед и почти уперся лбом в подбородок Димке, который был выше незнакомца на полголовы. – Ты кто? – хрипло спросил южанин, подняв голову и пристально уставившись парню прямо в глаза.

– Вам как, по паспорту? Или предоставить более подробную информацию? – Судя по лицу Димки, ситуация его забавляла. – Я бы дал вам ссылку на статью обо мне в Википедии, но по упущению составителей такой статьи пока еще нет, но уверяю, это совсем ненадолго, она непременно скоро появится. – Он подмигнул девушкам.

– Не понял, – покачал головой мужчина, потом сделал резкое, очень быстрое движение рукой, и Димка переломился пополам, глотая ртом воздух. – Кто ты?

– Никто, – Егор придержал едва устоявшего на ногах приятеля за локоть, – он уже уходит. Мы уходим, – уточнил он и, широкой улыбкой обозначив желание решить проблему мирным путем, несильно хлопнул мужчину по плечу, – хорошего вечера!

Легкое прикосновение подействовало на южанина, словно удар током. Он вздрогнул, и в тот же момент его правая, сжатая в кулак рука взметнулась вверх. Удар пришелся Егору прямо в челюсть. От удара голову отбросило назад, вслед за ней тут же последовало и тело. Ноги на происходящее отреагировать уже не успевали, поэтому, когда и голова, и туловище Егора в достаточной степени отклонились от вертикальной оси, произошло то, что и должно было случиться, согласно всем существующим законам физики и боев без правил: Егор потерял равновесие и рухнул на черный, идеально вычищенный дворниками от снега асфальт. Падая, Егор успел подумать, что Димка действительно везунчик, его-то ткнули не так уж и сильно, а вот куртку теперь наверняка придется отстирывать. Затем он ударился затылком об асфальт и больше уже ни о чем думать не мог, потому что потерял сознание, а спустя два часа и вовсе умер.

За пять месяцев до девятого сентября

Пройдя по пустынному подземному переходу, Настя быстро взбежала по ступенькам. Прежде чем толкнуть стеклянную дверь, она уже третий раз за день подумала о том, что надо было послушаться совета матери и взять с собой зонтик. Дождь, начавшийся четыре часа назад, еще перед заходом солнца, вовсе не думал успокаиваться, наоборот, его косые струи с силой хлестали по стеклу, поджидая, когда под их обстрел наконец попадет более лакомая добыча. Настя расстроено взглянула на часы. Она обещала матери, что к полуночи будет дома, но ее обещание превратилось в тыкву еще сорок минут назад, а до дому, даже если срезать и идти через дворы, все равно добираться почти пятнадцать минут. В это время суток ждать автобус или маршрутку уже точно не имеет никакого смысла.

Подняв тонкий воротник плаща, в тщетной надежде хоть немного защититься от льющихся с неба потоков воды, Настя толкнула дверь и выбежала под дождь. Почти сразу она угодила в глубокую лужу, но, даже если бы этого не произошло, все равно уже через несколько мгновений она была мокрой с головы до ног. Обрадовавшийся редкой в столь поздний час добыче дождь бил ей в лицо, по плечам, рвался под одежду, заставляя бежать все быстрее. На мчащиеся по тротуарам потоки воды она уже внимания не обращала, точно такие же потоки сейчас стекали с нее самой. Пробежав наискосок застроенный старыми девятиэтажками микрорайон и немного переведя дух под аркой, Настя со всех ног помчалась дальше. До дома оставалось не так уж и много, но это если в обычный день. А сейчас ей надо было под проливным дождем пробежать от арки метров сто, пересечь улицу, а затем совершить последний бросок к своему дому, до которого останется еще метров двести. И это только до дома, длинной, вытянутой дугой шестнадцатиэтажной махины, в которой шесть подъездов, причем бежать надо именно к самому дальнему, шестому.

Выскочив на тротуар, она машинально взглянула влево. Одинокий автомобиль, свет фар которого с трудом пробивался сквозь плотную стену дождя, был, как ей показалось, еще достаточно далеко. Настя торопливо шагнула на проезжую часть и сделала несколько быстрых шагов. Примерно на середине улицы она на мгновение замерла, вспомнив, что не посмотрела направо. Девушка испуганно повернула голову и облегченно вздохнула – дорога была пуста. В этот момент чудовищная сила ударила ее в левый бок и швырнула в воздух, отчего она неуклюже перевернулась через себя, взмахнула руками, а затем рухнула на мокрый асфальт. Потоки льющейся с неба воды с радостью смешивались с тонким ручейком крови, вытекающим из Настинной головы. Дождь, вскоре утихший, сделал свою работу так хорошо, что час спустя, когда Настю наконец обнаружили, на асфальте вокруг тела девушки не было ни единого пятнышка крови.

За полгода до девятого сентября

Дверь он открыл своим ключом. О том, что у него есть ключ, Лариса не знала. Он сделал его довольно давно, около месяца назад. В тот день они бесцельно бродили по торговому центру, расположенному всего в двадцати минутах ходьбы от ее дома. В кино они уже сходили, по куску пиццы на фудкорте тоже съели. Большой нагрузки и без того не обремененный деньгами кошелек Олега выдержать не мог. Но возвращаться в квартиру Лариска упорно не захотела, решительно заявив, что там скучно, а посидеть перед телевизором она успеет и несколько позже, лет эдак через пятьдесят, если, конечно, к тому времени еще останутся телевизоры. Можно было бы прогуляться по парку, но зарядившая с самого утра ледяная изморось и не думала прекращаться, а периодически налетавшие порывы холодного ветра отбивали всякое желание бродить по улице, пусть даже и под зонтом. И вот они, не имея ни денег, ни намерения что-либо купить, переходили из отдела в отдел, разглядывая висящие на плечиках или на плечах манекенов наряды. Иногда Лариска подходила к какой-нибудь особо понравившейся ей вещи, щупала ткань, мимоходом смотрела на ценник, после чего поворачивалась к Олегу и зачем-то спрашивала:

– Как думаешь, это на мне хорошо смотреться будет?

По мнению Олега, на Лариске, с ее идеальной фигурой, плохо смотреться не могло ничего в принципе. Даже если бы это был купленный в секонд-хенде свитер на несколько размеров больше. Во всяком случае, когда они в январе уезжали на два дня за город, кататься на лыжах, и утром субботы Лариска ходила по номеру в его, Олега, свитере, ему казалось, что она выглядит в нем просто сногшибательно, особенно с учетом того, что кроме свитера на Лариске ничего другого надето не было.

Но сейчас каждый новый вопрос заставлял Олега все больше хмуриться и нервно покусывать уже начинавшую кровить нижнюю губу. Вещей, в которых Лариска могла восхитительно выглядеть, было много, не было только одного – денег, чтобы хоть что-то из этих вещей купить.

– Может, я лучше пойду пельмени возьму? – Олег с тоской взглянул на кажущуюся ему бесконечной галерею.

– И свари тогда уж, – неожиданно согласилась Лариска, – а я тут поброжу еще минут двадцать и тоже приду. Держи ключ, будешь открывать, дверь прижимай посильнее, а то там заедает постоянно.

Сунув ключ от Ларискиной квартиры в карман куртки, Олег спустился на эскалаторе на первый этаж, немного поколебался, но затем решил, что продукты лучше купить в супермаркете, который стоял прямо напротив дома Лариски, через дорогу. Тогда большую часть пути и идти можно будет со свободными руками, да и цены там вроде немного посимпатичнее. Выйдя на улицу, Олег натянул бейсболку пониже, почти на самые глаза и, наклонив голову так, чтобы сносимые ветром капли ледяного дождя не попадали в лицо, затрусил в сторону Ларискиного дома. Вскоре он уже взбегал по ступеням унылого одноэтажного здания, над входом в которое висела огромная, изготовленная из красных пластиковых букв вывеска. В тамбуре супермаркета Олег ни с того ни с сего остановился, обратив внимание на неприглядный павильон без названия. Возможно, владелец павильона считал достаточным присутствия на стекле обычного, приклеенного скотчем листа бумаги, на котором зеленым маркером неровными печатными буквами было выведено: «Металлоремонт». Олег сунул руку в карман куртки и достал ключ. Конечно, прежде чем делать дубликат, стоило бы спросить разрешения у самой Лариски. Но ведь ключ она ему дала, значит, доверяет! К тому же, если он хочет сделать ей на день рождения сюрприз, то тогда про второй ключ тем более говорить не имеет смысла.

Как оказалось, времени на то, чтобы изготовить дубликат, требуется совсем немного. Повертев в руках оригинальный ключ, мастер немного покопался под прилавком и достал весьма похожую по форме болванку, после чего несколькими уверенными движениями обточил ее на шлифовальной машине. Придя в квартиру, Олег открыл замок новым, уже своим собственным ключом, не забыв при этом посильнее прижать входную дверь. После второго оборота дверь открылась. Довольный, Олег заскочил внутрь, бросил Ларискин ключ на тумбочку перед зеркалом и побежал в кухню варить пельмени. От недавнего плохого настроения не осталось и следа. Набрав в кастрюлю воды, Олег поставил ее на плиту и подошел к окну. Дождь уже закончился, а серые, неумоимо бегущие по небу облака постепенно расходились в стороны. В эти еще небольшие, но с каждой минутой становящиеся все больше просветы тут же устремились солнечные лучи, отчего настроение Олега еще больше улучшилось. Он сунул руку в карман, и его пальцы коснулись металла только что изготовленного ключа. «До чего сегодня хороший день, – Олег улыбнулся, заметив заходящую во двор Лариску, – просто замечательный!»

Как выяснилось совсем скоро, Олег очень глубоко ошибался. Вернувшаяся из торгового центра Лариска была не улыбочива. Молча она расправилась со своими пельменями и, поставив перед собой чашку с кофе, принялась усиленно размешивать в ней сахар.

– Могла бы и мне кофе сделать, – незлобиво попенял ей Олег.

– Могла бы, – задумчиво согласилась Лариска и, облизав чайную ложку, положила ее на стол, – ты тоже мог бы что-нибудь сделать.

– Например, что? – насторожился Олег, вспомнив, что как назло забыл купить в супермаркете презервативы.

– Не знаю, – пожал плечами Лариска, – например, купить мне что-нибудь. Я тебе сегодня столько интересного показывала, мог бы что-то и выбрать.

– Ларис, – Олег тут же сник, почувствовав свою беспомощность, – ты же знаешь, в этом месяце у меня все, лимит выбран. Теперь денег только через неделю пришлют.

Лариска знала, что с родителями у Олега был железный договор. Деньги ему они переводили на карту строго десятого и двадцатого числа каждого месяца, тем самым приучая сына к финансовой дисциплине. Во всяком случае, так считали родители Олега. Лариска же находила это издевательством. Конечно, то, что деньги приходят только два раза в месяц, это еще как-то терпеть можно, но то, что их приходит так мало, – это просто отвратительно. А ведь по рассказам Олега получалось, что у его родителей был не такой уж и маленький бизнес. Тогда как понять это их изречение, которое Олег постоянно цитирует? «Тысячи в день нормальному человеку на жизнь вполне должно хватать». Тысячи рублей! В день! В Москве! На что их может хватать? На поездку в метро и на порцию шаурмы, возле этого самого метро купленную?

– Понятно. – Лариска смотрела мимо Олега, куда-то в окно, за которым уже всюю светило яркое обеденное солнце. – Знаешь, что-то я так устала сегодня, давай я одна побуду?

Олег некоторое время рассматривал сидящую напротив Лариску, словно сомневаясь, стоит ли пытаться ее переубедить, затем молча встал и вышел из-за стола.

– Ты ключи, кстати, мои не забудь оставить, – напомнила ему в спину Лариска.

– Уже, – коротко отозвался Олег.

И вот сейчас, спустя почти месяц, ключ наконец пригодился. Лариска, у которой сегодня был день рождения, с самого утра укатила в институт и вряд ли вернется раньше двух, а может быть, и трех часов дня. Это значит, у него будет время как следует подготовиться.

Олег почти не сомневался, что его сюрприз Лариске понравится. Что с того, что они уже почти месяц не общались? Последние несколько дней, встречая его в коридоре института или аудитории, Лариска приветливо улыбалась, а два дня назад даже поздоровалась. Сама! Первая! Очевидно, это был знак. Девушка перебесилась и поняла, что он, Олежка, не просто парень, а золото и второго такого ей вовек не найти. Ну а что касается его самого, то он, к Ларискиному везению, не обидчив. Конечно, он еще как-нибудь попеняет ей за все эти выкрутасы, но только не сегодня. Сегодня он все сделает для того, чтобы его девушка осталась довольна.

Олег осторожно протиснулся в дверь и оглянулся, чтобы проверить, не осталось ли на полу в коридоре осыпавшихся лепестков. Сто одна роза! Заперев изнутри дверной замок, Олег положил огромную охапку цветов на пол, поставил рядом пакет со свечами и прошелся по квартире, пытаясь понять, все ли здесь осталось так же, как и было месяц назад. Казалось, что ничего за это время не изменилось. На полках немногочисленные книги, какие-то безделушки, привезенные с отдыха на море, несколько фотографий. Олег быстро просмотрел снимки. Лариска одна, Лариска с младшей сестрой, Лариска с родителями... Никаких намеков на то, что в жизни девушки появился кто-то другой. Олег удовлетворенно улыбнулся. Впрочем, ничего иного он и не ожидал. Как-никак они учились на одном курсе, хоть и в разных группах. Если бы Лариску кто-то встречал или провожал после занятий, это не осталось бы для него незамеченным.

Олег перетащил розы в спальню. Поначалу он собирался усыпать ими Ларискину постель, но, успев уже несколько раз уколоться, передумал и начал раскладывать цветы по комнате, стараясь придать ей максимально живописный вид. Несколько цветков он все же разложил по краям кровати, так, чтобы их можно было при необходимости быстро смахнуть рукой. Вернувшись в первую, проходную комнату, служившую Лариске одновременно и гостиной, и кабинетом для занятий, Олег положил несколько роз на пол, соорудив некоторое подобие тропинки, ведущей от прихожей к дверям спальни.

Теперь настала очередь свечей. Расставив их на всех имеющихся в спальне горизонтальных поверхностях, Олег отступил к входу в комнату и придирчиво осмотрел результаты своих трудов. На его взгляд, все выглядело вполне неплохо. Главное – успеть зажечь все это великолепие за то время, пока Лариска будет подниматься по лестнице. Олег нахмурился. Чтобы взбежать на третий этаж, ей понадобится от силы секунд двадцать. Еще примерно столько же будет у него в запасе, пока она будет пересекать двор, при условии, что он заметит Лариску

сразу, как только та появится из-за угла. Итого, сорок секунд, ну, может, минута. А у него тут около пятидесяти свечек, можно не успеть. Впрочем, некоторые свечки, самые крупные, можно зажечь и пораньше. Они все равно горят очень долго, несколько часов. Олег улыбнулся, довольный найденным выходом из затруднительного положения. Точно, тогда ему останется только принести из холодильника шампанское и зажечь пару десятков свечек помельче. Шампанское! Олег выскочил из спальни и вновь вернулся в прихожую. Достав из пакета две бутылки брютта, он прошел на кухню и убрал их в холодильник. Конечно, Лариска больше любит полусладкое, но ничего, пусть привыкает к хорошему вкусу.

Найдя в одном из настенных шкафов фужеры для шампанского, Олег отнес их в спальню, после чего зажег большую часть свечей и задернул на окне шторы. Ну вот и все, оставалось только дожидаться саму именинницу. По прикидкам Олега, Лариска должна была прийти через полчаса, максимум через час. Заняв наблюдательный пост у окна на кухне, Олег замер в напряженном ожидании.

Он так старательно вглядывался в угол дома, из-за которого должна была появиться Лариска, что не обратил никакого внимания на остановившийся возле подъезда черный автомобиль. В последний момент он успел заметить, что вышедшая из машины светловолосая девушка держала в руках букет цветов. Лариска? Олег прижался лбом к стеклу, пытаясь разглядеть лицо девушки, но было уже поздно, она скрылась под козырьком. Вместе с ней в подъезд зашел какой-то мужчина.

Изначально весь нехитрый план Олега заключался в том, чтобы при появлении Лариски, прихватив шампанское, скрыться в спальне, зажечь оставшиеся свечи, быстро раздеться и принять максимально непринужденный вид в окружении десятков роз и горящих свечей. По его мнению, план был безотказен и безупречен. Идею Олег подсмотрел в одном из фильмов на ночном канале кабельного телевидения. Юноша, пожелавший произвести на свою несговорчивую подругу неизгладимое впечатление, сделал все именно так. Правда, к его удивлению, подруга пришла не одна, а с сестрой, которая была моложе ее на год и так же очаровательна. Суть фильма была в том, что розы, горящие свечи и холодное шампанское произвели на девушек такое впечатление, что они тут же, отбросив излишнюю скромность, обе устремились в объятия находчивого донжуана.

Олег был достаточно скромен в своих желаниях, поэтому его вполне бы устроило, если бы Лариска пришла одна. Вариант с подругой, возможно, тоже как-то удалось бы обратить в свою пользу, но вот то, что она поднимается в квартиру вместе с каким-то парнем, да еще несет цветы, которые тот ей наверняка и подарил, уже ни в какие ворота не лезет.

Олег тихо выругался, услышав, как щелкнул вставленный в замок ключ. Бежать в спальню явно уже не имело никакого смысла, и Олег, решив, что, возможно, у него появится шанс выскользнуть незаметно из квартиры, укрылся за дверью туалета.

Вошедший в квартиру вместе с Лариской парень явно торопился.

– Давай, давай, давай! Проходим, – сквозь тонкую дверь отлично был слышен возбужденный мужской голос.

«Сейчас в спальню потащит, – уныло подумал Олег, – романтическую обстановку я им создал, шампанское потом в холодильнике обнаружат. Не жизнь – сказка, еще бы мне из этой сказки выбраться по-тихому».

Однако, как это часто бывает, в тот день Олегу не везло ни в большом, ни в малом. Новый Ларискин ухажер действительно торопился, но только отнюдь не в спальню. Не разуваясь, лишь скинув прямо на пол с себя куртку, он проскочил мимо девушки и устремился к туалету. Все произошло так быстро, что Олег даже не успел решить, стоит ли ему запереться. Дверь туалета распахнулась, и два молодых человека удивленно уставились друг на друга.

«Кажется, я его видел в институте», – подумал Олег, на всякий случай улыбнувшись и делая шаг вперед навстречу своему более удачливому сопернику. Что подумал второй участ-

ник этой, несколько странной, встречи, Олег узнать не успел. Стоявший перед ним парень испуганно отшатнулся и захлопнул дверь, которая, прежде чем закрыться, ударила Олега по лицу с такой силой, что тот на мгновение потерял сознание и, если бы не унитаз, на который он тяжело осел, незадачливый романтик наверняка бы рухнул на пол.

Быстро придя в себя, Олег услышал приглушенные голоса, доносящиеся из коридора. Очевидно, Лариска и ее дружок не могли решить, что им делать с оказавшимся в туалете неизвестным, и собирались звонить в полицию.

– Лариса! – жалобно позвал Олег. – Это я! Я сейчас выйду.

Осторожно распахнув дверь, Олег немного помедлил, опасаясь нового удара, но в коридоре было тихо.

– Лариса, я выхожу! – сообщил Олег и выбрался из своего убежища.

Запрокинув голову вверх, чтобы хоть немного замедлить бегущую из разбитого носа кровь, Олег сделал несколько шагов, придерживаясь рукой за стену, и в нерешительности остановился. Лариска и стоящий рядом с ней белобрысый, загорелый, словно было не начало марта, а как минимум конец июня, парень удивленно и как-то испуганно смотрели на него. В тот момент Олег действительно представлял собой печальное зрелище. Окровавленное лицо, опухший, стремительно синеющий прямо на глазах нос, светлая рубашка, на которую одна за другой стекали темные капли крови.

– Ты? – нарушила удивленное молчание Лариска. – Ты здесь что делаешь?

– Уже не знаю, – честно признался Олег, – думал, сюрприз будет.

– Ты его знаешь? – Белобрысый повернулся к Лариске.

– Знаю, – кивнула та, – подожди. А как ты в квартиру попал, объясни мне.

– Я ключ запасной сделал, – прогундосил Олег, пальцами зажимая разбитый нос. – Дайте мне полотенце, что ли, кровь вытереть.

– Обойдешься, – холодно отозвалась Лариска и тут же решительно потребовала: – Ключ верни, живо!

Олег достал из кармана ключ, протянул на ладони Лариске, и та нетерпеливо выхватила его.

– А теперь на выход, – скомандовала она. – Где дверь помнишь? Или память отшибло вместе с носом?

Олег болезненно поморщился и, ничего не ответив, медленно направился к выходу из квартиры. За спиной он услышал голос белобрысого:

– Представляешь, я дверь открываю, а там этот покемон. И прет прямо на меня. Ну, я его дверью и припечатал.

– Теперь точно на покемона похож, – хихикнула Лариска.

Белобрысый, не сдерживаясь, в полный голос, захохотал. Потом смех его оборвался.

– Ох, мне в сортир надо. Так с вами и уделаться можно. Покемон...

Егор вышел на лестничную площадку. Дверь в квартиру тут же захлопнулась за его спиной. Тяжело опираясь на перила, Олег начал медленно спускаться по лестнице. Разбитый нос невыносимо болел, а дышать им было и вовсе невозможно. Похоже, придется ехать в травмпункт. Пусть проверят, вдруг перелом и надо вправлять носовую перегородку. Голова Олега немного кружилась, наверное, это тоже было последствием сильного удара, но самым досадным было не это. Больше всего Олегу досаждал смех. Не прекращающееся ни на мгновение ехидное Ларискино хихиканье и ее звенящий, насмешливый голос: «Ну точно на покемона похож».

– Ладно, Лариса, посмейся. – Олег остановился на лестничной площадке между третьим и вторым этажом и оглянулся. Дверь в квартиру Лариски была закрыта, никто не смотрел ему вслед, и все же он чувствовал на себе презрительный взгляд девушки, в которую еще час назад был без ума влюблен. – Я тебе этот смех тоже припомню. И белобрысику твоему заодно.

Переведя дух, Олег спустился по лестнице и вышел из подъезда. Тяжелая стальная дверь гулко захлопнулась. В подъезде стало тихо. Одна дверь безжалостно отбрасывала от себя злобное бормотание Олега, не знающего, куда ему пойти, и в нерешительности застывшего у подъезда, другая дверь заглушала Ларискины стоны, наполнявшие собой небольшую двухкомнатную квартиру на третьем этаже старенькой пятиэтажки. В отличие от Олега белобрысый прекрасно знал, что ему надо делать.

За три месяца до девятого сентября

Игорь Андреевич Фомин, как и положено человеку, отдавшему два десятка лет службе Родине, любил во всем порядок. Хотя с того времени, как он оставил службу в армии и начал строить карьеру госслужащего, прошло еще почти двадцать лет, жившая в сердце Фомина любовь к порядку нисколько не ослабела, наоборот, только усилилась, оставшись к шестидесяти годам единственной любовью Игоря Андреевича. Большею частью эта любовь была взаимной, поскольку Игорь Андреевич старался окружать себя людьми, соответствующими его представлениям о том, как этот самый порядок должен выглядеть, но иногда случались и досадные недоразумения. Вот и сейчас, проезжая под поднятым шлагбаумом, Фомин недовольно покосился на сидящего в сторожке охранника жилого комплекса. Охранник, то ли по причине необычайно жаркой погоды, то ли по недомыслию, которым часто грешат представители именно этой весьма распространенной профессии, позволил себе неслыханную, по мнению Игоря Андреевича, вольность – снял с головы форменную, украшенную логотипом охранного предприятия, бейсболку и лениво обмахивался ей словно веером.

– Ты что, на бегах? – Притормозив, Игорь Андреевич опустил стекло с водительской стороны.

– Почему на бегах? – удивился охранник.

– Вот и я говорю, почему? – рывкнул Фомин. – Ты на посту, несешь службу. А ведешь себя, как профурсетка на ипподроме. Ишь, обмахивается он! Ты где видел, чтобы военнотрудовой так с головным убором обращался?

– Да я вроде не в армии, – пробурчал оторопевший охранник, но на всякий случай натянул бейсболку на голову. Фомин был мужчина крупный, да и связываться с кем-то из обитателей элитного жилого комплекса охраннику не хотелось. – Уже месяц, как кондиционер починить обещают, – пожаловался он на тяготу службы, – еще на майские праздники сломался.

– Кондиционер, – возмущенно фыркнул Фомин. – Я в твои годы слова такого не знал. Кондиционер! Ты мужик или размазня какая?

Охранник вяло кивнул, затем, спохватившись, выпалил:

– Мужик, конечно.

– Ну вот и веди себя как мужик, – успокаиваясь, посоветовал Игорь Андреевич. – Увижу управляющего, напомню ему. А вообще нечего ныть, до августа не так много осталось, а там и жары сильной не будет.

Охранник еще раз кивнул, надеясь, что на этом разговорчивый жилец угомонится и отправится восвояси. К его радости, именно так и произошло. Черный «мерседес» плавно въехал во двор и занял закрепленное за ним парковочное место возле подъезда. Отметив про себя, что Фомин не стал загонять машину в подземный гараж, а значит, вполне вероятно, скоро уедет, охранник решил, что пока, невзирая на жару и льющийся со лба пот, посидит какое-то время в бейсболке.

Поднявшись на четвертый этаж, Игорь Андреевич облегченно вздохнул, так, словно это не лифт поднял наверх его дородное тело, а сам Фомин взобрался наверх по лифтовой шахте, таща за собой железную клетку. Войдя в квартиру и отключив сигнализацию, Игорь Андреевич прошел на кухню, достал из холодильника бутылку нарзана и налил себе полный стакан. Выпив

воды, он почувствовал себя гораздо лучше и сразу направился в гостиную. У него было полтора часа до предстоящей деловой встречи, и это время Игорь Андреевич намеревался посвятить отдыху перед экраном телевизора.

Войдя в гостиную, Фомин включил телевизор и уже собирался было, как обычно, занять место в раскладном кресле с реклайнером, когда внезапно замер, почувствовав, что привычное расположение вещей в комнате нарушено. Что именно не так, Игорь Андреевич еще не осознал, несколько мгновений он настороженно озирался, словно уже знакомый с уловками охотников зверь, который увидел слишком легкую, привязанную к дереву добычу. Чутье Игоря Андреевича не подвело.

Часть стены, примыкавшая к камину, была выложена грубо обработанными плитами из натурального камня. Плиты местами находили друг на друга, создавая причудливый объемный узор, приводивший в восторг всех немногочисленных гостей, бывавших в квартире Фомина. Еще одним, неизвестным всем этим посетителям, достоинством стены было то, что одна из панелей, после сильного нажатия, откидывалась в сторону, открывая доступ к небольшому, замурованному в стене сейфу. Вот только открыть панель не позволяла прикрепленная к стене полка, точнее стоящая на ней модель танка Т-80, командиром которого много лет назад служил молодой лейтенант Фомин. Модель танка, выполненная в масштабе один к двадцати, в мельчайших деталях повторяла конструкцию оригинала. У модели не только поворачивалась башня, что было делом само собой разумеющимся, но и открывался люк, а также регулировалась высота ствола.

Сейчас танк, как и всегда, занимал свое место на полке, вот только ствол его был почему-то максимально задран вверх, в то время как еще утром – это Игорь Андреевич помнил точно – был нацелен строго горизонтально.

Переставив модель на журнальный стол, Фомин нажал на левый верхний угол каменной плиты, и она откинулась вниз, словно дверца кухонного гарнитура, открыв доступ к цифровой панели сейфа. Набрав нужную комбинацию, Игорь Андреевич открыл дверцу и некоторое время смотрел на лежащие в сейфе пачки европейской валюты. Пачек было довольно много, они были сложены в несколько аккуратных стопок. На первый взгляд казалось, что все на месте. Все десять стопок, в каждой из которых лежало по десять пачек, по десять тысяч евро каждая. Итого ровно миллион. Должен быть миллион, вот только теперь в каждой стопке было не по десять, а всего восемь пачек. Таинственным образом из сейфа исчезло двести тысяч евро.

Игорь Андреевич, как и подобает человеку, достигшему столь серьезной должности заместителя руководителя департамента строительства столичной мэрии, к деньгам относился достаточно философски. Причем чем меньше была сумма, тем более философски относился к ней Фомин. Сумма двести тысяч евро в его понимании была настолько мала, что глубокомысленное выражение «Бог дал, Бог взял», сказанное кем-то древним кому-то другому, такому же древнему, голодранцу, подходило к случаю как нельзя лучше.

Игоря Андреевича больше волновал вопрос, кто и каким образом сумел открыть надежно спрятанный сейф, и не пожелает ли этот таинственный незнакомец в следующий раз забрать с собой все, что он по непонятной пока причине не взял сразу.

Сменив на сейфе кодовую комбинацию, Фомин вернул на место сперва каменную панель, а затем и металлическую модель танка. Некоторое время он размышлял над тем, стоит ли обратиться в полицию, но в конце концов решил, что делать этого не стоит. Сумма, украденная неизвестным, была относительно невелика, а вот прибывших на место следователей может заинтересовать, откуда у скромного государственного служащего в сейфе миллион евро. Миллион! Фомин не смог сдержать ехидной ухмылки. Если бы только кто-то мог знать, сколько денег у него припрятано в других, гораздо более укромных местах. Да, с банковской тайной нынче везде плохо, и все тайные счета рано или поздно становятся явными, но вот тайно арендовать банковскую ячейку в хорошем швейцарском банке пока еще можно. Таких ячеек

у Игоря Андреевича было уже семь, и в каждой лежала сумма равная той, что находилась в сейфе еще утром. Через пару недель Игорь Андреевич собирался взять отпуск и совершить небольшой вояж в Цюрих, для того чтобы арендовать еще одну банковскую ячейку. Что же, поездку откладывать смысла не имеет, в Швейцарии деньгам наверняка будет комфортнее. Да и кто знает, наверняка за оставшиеся пару недель подвернется какая-нибудь мелочовка, и тогда он пополнит свои столь странным образом уменьшившиеся накопления.

Итак, решено. В полицию обращаться он не будет. Есть риск, что среди этих идиотов окажется какой-нибудь особенно дотошный, ну или особо болтливый, который сольет информацию в Интернет, а там желающих покопаться в чужом грязном белье ох как много. Говорят, что и служба экономической безопасности мэрии тоже иногда находит там для себя интересную информацию. Фомин брезгливо поморщился. Знакомство со спецслужбами в выстроенный в его голове идеальный план вовсе не входило. Поработать еще год, ну максимум два, довести число банковских ячеек до круглого числа и уйти, точнее, навсегда улететь на заслуженный отдых – вот то, что предстояло ему сделать в обозримом будущем.

Приняв решение, Игорь Андреевич успокоился. Пройдя на кухню, он достал из холодильника бутылку водки, кроме которой ничего более из спиртных напитков не употреблял, и наполнил рюмку. Выпив залпом, он взглянул на стоявшую в холодильнике банку с маринованными огурцами, но открывать не стал. Убрав водку обратно в холодильник, Фомин вернулся в гостиную и в задумчивости опустился в кресло перед телевизором. После некоторых размышлений, отбросив самые фантастические предположения, Игорь Андреевич пришел к выводу, что сейф мог открыть только один человек, и этого человека он хорошо знал.

– Ну, Ритка! Ну, тварь, – прошипел Фомин, с силой сжимая кулаки, – удавлю, сучку!

Девятое сентября

– В общем, картина у нас такая, Юрий Дмитриевич, – Мясоедов угрюмой глыбой возвышался над полковником, так что тень от его головы защищала лицо Реваева от еще высокого послеобеденного солнца, – в машине четыре труп, у всех огнестрел.

Глава 2

Реваев по кругу обошел изуродованный следами от выстрелов черный внедорожник. Почти все стекла в машине были разбиты, а на кузове виднелись многочисленные отверстия. Распахнутые двери автомобиля позволяли хорошо видеть тела четырех человек, застывшие на залитых кровью сиденьях.

– Похоже, картечью стреляли? Что скажешь, Евгений Геннадиевич? – Реваев вопросительно взглянул на удобно устроившегося на небольшом раскладном стуле криминалиста.

– А чего тут скажешь, Дмитрич, – с полковником эксперт-криминалист Евгений Геннадиевич Шаров был знаком уже много лет, поэтому общались они, как старые приятели, – картечь, она и есть картечь. Глянь, я тут наковырял немного из обшивки. Крупненькая, восемь миллиметров.

– Ого! – присвистнул Мясоедов. – С такой и на кабана идти можно.

– На кабана с картечью не ходят. Точнее, пойти-то можно, только есть риск домой не вернуться, – снисходительно улыбнулся Шаров. – Хотя молодого кабанчика, килограмм до ста, завалить, конечно, можно.

– Вот, слушай умного человека. – Реваев хлопнул смущенного оперативника по плечу. – Евгений Геннадиевич у нас охотник бывалый, еще не то знает. А стрелок-то какой! – Реваев подмигнул приятелю, и тот, довольный, улыбнулся.

– Угу, понял, – с усмешкой кивнул Жора, – может, на него все и повесим тогда? А что? Скажем, осень, сезон охоты, а человеку отпуск не дают. Вот он и не выдержал, решил попрактиковаться. Я точно говорю. – Мясоедов с заговорщическим видом наклонился к Реваеву. – И дело разом раскроем, и зверюшек сколько от этого душегуба спасем.

– А я, между прочим, все слышу, – невозмутимо отозвался Евгений Геннадиевич, – и с каждым услышанным мною словом вероятность того, что на орудии преступления, когда оно попадет в криминалистическую лабораторию, а оно ведь рано или поздно туда попадет, обнаружатся отпечатки пальцев майора Мясоедова, становится все выше и выше. И на основании этого факта, – он с усмешкой взглянул на Жору, – старший следователь по особо важным делам, а по совместительству мой хороший товарищ полковник Реваев сделает далекоидущие выводы, которые пресекут преступную деятельность затесавшегося в наши ряды уголовника.

– Ну это уже старческий беспредел какой-то, – возмутился Жора. – Юрий Дмитриевич, признайтесь, вы же на такое не способны.

– А что ты хочешь, Георгий, – Реваев шутливо развел руками, – старикам надо держаться вместе. Ладно. – Полковник заглянул внутрь расстрелянного автомобиля. – Личности убитых установили?

– Да, можно сказать, повезло. У всех четверых при себе документы были. Вика! – оглушительно рявкнул Мясоедов, оборачиваясь к стоящему чуть в стороне микроавтобусу следственного комитета. – Иди сюда! И все бумаги возьми!

Почти сразу из микроавтобуса выпрыгнула невысокая темноволосая девушка, в сером брючном костюме. Заметив Реваева, она улыбнулась и поспешила подойти ближе.

– Вы уже здесь, Юрий Дмитриевич. Не думала, что совещания у председателя так быстро заканчиваются.

– Я сбежал, – с улыбкой признался Реваев, – хотя, если честно, никто особо не возражал. Там от меня все равно толку немного. Так что у нас с потерпевшими?

– А сейчас я вам всех покажу. – Вика открыла первый паспорт. – Начнем с водителя. Мирзоев Дамир Алханович, двадцать четыре года, родился в Пятигорске, зарегистрирован в Краснодаре. Кто он, чем занимается, пока неизвестно.

– На хорошую машинку он успел назаниматься к двадцати четырем годам, – хмыкнул Жора.

– Мясоедов! Какой ты мелочно-завистливый все же, – неодобрительно заметила Вика, – такой крупный мужчина, как ты, должен избегать столь мелких эмоций.

– Ничего она у меня не мелкая, – обиделся Жора, – и вообще, капитан Крылова, хватит хаять старших по званию.

– Рядом с водителем Корнилова Маргарита Андреевна, – проигнорировала последнее Жорино высказывание Виктория, – при ней только студенческий билет, третий курс, факультет делового администрирования.

– А вуз какой? – уточнил Реваев.

– Так вот же. – Крылова обернулась и махнула рукой, указывая на вытянувшийся вдоль улицы Лобачевского комплекс зданий.

– МГИМО? – удивился полковник.

– Ну да, МГИМО, – кивнула Вика, – они тут все студенты, кроме водителя. Во всяком случае, при нем студенческого билета не было. Продолжать?

Реваев кивнул.

– На заднем сиденье у нас тоже двое. Позади водителя некто Волков Денис Анатольевич, студент четвертого курса, факультет международного права, а рядом с ним еще одна третьекурсница – Черных Лариса Владимировна, учится на том же факультете, что и Корнилова.

– Да уж.

Полковник еще некоторое время рассматривал тела убитых, затем выпрямился и отошел от машины.

– Молодые ведь совсем ребята. Их дело – еще жить да жить. А они... – Реваев с досадой махнул рукой. – Родственников установили?

– Нет еще, – Крылова отрицательно покачала головой, – только начали пробивать.

– Ну, устанавливайте.

Кивком головы полковник отпустил Викторию, а сам неторопливо огляделся по сторонам.

– Хороший перекресток, – бросил он стоящему рядом Мясоедову, – аж три камеры.

– Ну да, – согласился Жора, – будет на что посмотреть. Глядишь, что интересное и увидим. Да, Юрий Дмитриевич, – спохватился Мясоедов, – у нас ведь и свидетели есть. Свидетельницы! Две штуки!

– Ой, Жора, – осуждающе вздохнул Реваев, – что ж ты людей в штуках меряешь? Нехорошо как-то.

– Да ладно, какие они люди, студентки, – отмахнулся майор, – до людей им еще дорасти надо. Пока так, заготовки.

– Ну и где они, заготовки твои? – Реваев бросил взгляд на группу молодых людей, стоявших возле оцепления.

– В микроавтобусе, я этих девиц Вике подсунул, – усмехнулся Жора, – сам я их причитания не смог вынести. Слезы льют, будто у них всю родню поубивали.

– Слезы, – хмыкнул полковник, – слезы – это не так уж и плохо. Переживают, значит, не очерствели еще. Может, и нам от их переживаний какая польза будет. Пойдем послушаем.

– Пойдемте, – без особого энтузиазма согласился Мясоедов.

Подойдя к микроавтобусу, Жора наклонился и на несколько мгновений его голова и плечи скрылись внутри черного «фольксвагена». Выпрямившись, он обернулся к Реваеву и удовлетворенно вздохнул:

– Вроде девчужки малость успокоились. Может, даже поговорить толком получится.

Одна за другой из микроавтобуса выбрались две совсем молоденькие девушки, Реваеву даже показалось вначале, что они были друг на друга чем-то похожи, но, приглядевшись

получше, он понял, что все дело только в одежде. Обе свидетельницы были в светло-голубых, обтягивающих их стройные фигуры джинсах, белых футболках с какими-то надписями на английском, смысл которых остался для полковника неясным, наряд каждой завершали яркие, бросающиеся в глаза кроссовки. У одной из девушек они были оранжевые, а у другой – насыщенного синего цвета, отчего издали могло показаться, что она недавно побывала в поликлинике и на выходе забыла снять бахилы.

Впрочем, в лицах обеих студенток некоторое сходство действительно наблюдалось, но заключалось оно только в покрасневших глазах с припухшими от пролитых слез веками. Во всем остальном девчонки были совсем друг на друга не похожи. Одна, чуть повыше, зеленоглазая, курносая брюнетка с округлыми, румяными щеками, чем-то напомнила Реваеву популярную в годы его уже достаточно далекой молодости Наташу Королеву; другая – с чуть более светлым оттенком волос, могла похвастаться идеальным прямым, словно у красавиц, украшавших греческие амфоры, носом и бледной, не тронутой загаром кожей.

– Так, девчули, вот самый лучший в стране следователь, – Жора указал девушкам на Реваева, – зовут его Юрий Дмитриевич. Специально приехал, чтобы вас послушать. Давайте вы ему все подробно, спокойненько расскажете, что здесь видели.

Реваев ободряюще кивнул девушкам.

– Ну что, давайте познакомимся. Про меня товарищ майор уже вам рассказал немного, теперь вы о себе сами расскажите.

– Лена, – сделала небольшой шаг вперед брюнетка, – Лена Овсянникова, я из Ставрополя, учусь в МГИМО на первом курсе. Мы вместе учимся. – Она бросила быстрый взгляд на подружку.

– Ирина Мцитуридзе, – официальным тоном представилась вторая девушка, – студентка первого курса факультета международных отношений.

– А сами вы откуда? – уточнил Реваев.

– В смысле, откуда? – Ирина удивленно приподняла брови. – Я москвичка.

– Москвичка, это хорошо, – примирительно улыбнулся Реваев, – расскажите тогда мне, красавицы, что вы видели. Только не торопитесь. Чем подробнее вы все вспомните, тем быстрее с вашей помощью мы с этим делом разберемся.

– Да мы все видели, – заторопилась Лена, – мы шли по тротуару, вот с этой стороны, а тут как стрелять начали. Мы сначала на корточки от страха присели, а потом за машиной спрятались.

– Стрелка вы видели?

– Нет, – помотала головой Лена, – то есть да. Я видела, но разглядеть его не успела, так страшно было.

– Я видела его, хорошо видела, – вмешалась Ирина, – только описать его все равно не получится.

– Это почему? – с интересом прищурился Реваев. – Тоже испугались?

– Испугалась? Конечно, испугалась. Мы же дошли почти до самого светофора. От нас до этой машины всего метров десять оставалось, не больше. Но не в этом дело. Этот человек, который стрелял, он так одет был, что ничего разглядеть вообще невозможно. На нем была куртка такая длинная, тонкая, с капюшоном. Не ветровка. – Ирина нахмурилась, подыскивая подходящее слово.

– Дождевик? – подсказал Реваев.

– Точно, дождевик.

– Верно, дождевик, – обрадовалась Лена, – пятнистый такой, как у военных.

– Камуфляжный, – уточнила Ирина, – а капюшон у него был на голову накинута. А еще под капюшоном бейсболка была надета, видно было, козырек торчал, черный.

– Да? Вот ты глазастая, – удивилась Лена, – я бейсболку и не заметила, а вот очки помню. Странные такие очки, на горнолыжные чем-то похожи.

– Защитные очки, рабочие. У меня у папы такие есть.

– А кто у нас папа? – вклинился в разговор Мясоедов.

– Папа у меня в МИДе работает, – искоса взглянула на него Ирина, – а очки такие у нас на даче есть, папа их иногда надевает, когда что-то болгаркой режет.

– То есть лицо нападавшего видеть вы не могли? – подытожил Реваев.

– Нет, – почти хором отозвались обе девушки.

– Ну а какие-то приметы? Рост, комплекция?

– Роста он не сказать, что очень высокий, – начала было говорить Лена.

– Но и не маленький, – тут же перебила ее Ирина.

– Ну да, обычного такого роста, – согласилась с ней подруга, – выше вас, – Лена оценивающе взглянула на Реваева, – но ниже вас, это точно, – перевела она взгляд на Мясоедова.

– По приметам точно на Шарова похож, – прошептал Жора на ухо Реваеву.

– Я смотрю, у тебя настроение сегодня игривое, – заметил полковник, – не в меру, – строго добавил он.

– Понял, умолкаю. – Жора вздохнул, как провинившийся школьник.

– Нам дальше рассказывать? – осведомилась Ирина.

– Конечно, – Реваев с готовностью кивнул, – я вас внимательно слушаю.

– Как этот человек появился, я не видела. Мы шли, болтали. Заметила его только, когда он начал стрелять. Он первый раз выстрелил, я аж на месте подпрыгнула от неожиданности, голову повернула – он стоит перед этой машиной на светофоре и в лобовое стекло целится.

– Мы сразу на корточки присели, чтобы он нас не заметил, – вмешалась Лена.

– Ну да, присели зачем-то, – смущенно призналась Ирина, – хотя нас бы это не спасло, перед нами ничего же не было, даже кустов. Мы уже потом, после второго выстрела, отбежали назад на несколько метров и за машиной спрятались.

– То есть вы видели, как он стрелял второй раз? В кого он стрелял, в водителя?

– Я не уверена. – Ирина немного помедлила с ответом. – С такого угла понять трудно. Но мне кажется, что второй раз он стрелял в человека, который сидел рядом с водителем. Точно, – произнесла она уже более уверенно, – когда я обернулась на выстрел, он стоял, направив ружье на машину, а затем он чуть-чуть повернулся в сторону, влево и после этого сразу выстрелил второй раз.

– Отличная наблюдательность, – похвалил Реваев, – в такой ситуации не каждый мужчина сумел бы что-то разглядеть.

– Я не думаю, что мужчины чем-то отличаются от женщин в лучшую сторону. Как правило, все бывает с точностью до наоборот.

– Вот это ответ! Ну ты жжешь, деваха, – не удержался от комментария Мясоедов, за что был тут же награжден двумя возмущенными взглядами.

– Я вам не деваха, как вы там, товарищ майор? – гневно отозвалась Ирина.

– Георгий, сходи посмотри, может Вике помочь надо, – сухо распорядился Юрий Дмитриевич, – и записи с камер наблюдения добудь как можно быстрее.

– Хорошо, – коротко ответил Жора, понимая, что сейчас с полковником лучше не спорить, – я ушел.

– Итак, – Реваев вновь повернулся к девушкам, – что было после второго выстрела?

– Мы побежали, – затараторила Лена, – я схватила Ирку за руку и потащила в сторону, к машине. Мы за нее забежали и там сидели, пока все не кончилось, – она шмыгнула носом, – и потом еще долго. Никак в себя прийти не могли.

– То есть что было потом, вы не видели? – В голосе Реваева звучало разочарование.

– Почему? Я все видела, – отозвалась Ирина. – Я сидела возле переднего колеса машины и выглядывала из-за бампера.

Лена удивленно уставилась на подругу.

– Ну ты даешь, – восхищенно пробормотала она, – это ж какие нервы иметь надо. Ты, Ирка, реально любого мужика за пояс заткнешь.

– Да ладно, – вяло отмахнулась Ирина, – ревели-то после всего вместе, я даже громче, мне кажется.

– Ну да, орала ты потом знатно, – согласилась Лена.

– Так все же, что вы видели? – Юрий Дмитриевич мягко вернул девушку к теме разговора.

– Этот человек, с ружьем, он поднял его стволом вверх, как в кино, потом обошел машину сбоку, со стороны пассажира и выстрелил через стекло задней двери. Затем он шагнул к машине и дернул эту дверь на себя. Дверь распахнулась, этот человек заглянул в салон, потом сразу же выпрямился и сделал шаг назад. Мне показалось, он что-то крикнул.

– Крикнул? – заинтересовался Реваев. – Что именно?

Ирина на какое-то время задумалась, потом взглянула на свою подругу, словно ожидая подсказки, но та только пожала плечами.

– Не знаю, что-то короткое. Но что, я никак не вспомню.

– Вы сказали – короткое, – попытался помочь Юрий Дмитриевич. – Один слог был в этом слове или больше?

Ирина вновь задумалась.

– Кажется, два. Это было что-то вроде «Пусти!», но я не уверена.

– «Пусти», – задумчиво повторил Реваев, – с кем же он разговаривал?

– Не знаю, – покачала головой Ирина, – он крикнул и тут же выстрелил еще раз, четвертый. Но я говорю вам, это могло быть и какое-то другое слово.

– А что, если он с демоном общался? – выдвинула версию Лена. – Такое учудить – это ж наверняка сумасшедшим быть надо. Может, ему какой демон и нашептывал, чтобы он пошел людей убивать? Вот он ему и крикнул, чтоб отпустил тот его. Что? Не может разве такого быть?

– Может, – успокоил девушку Реваев, – бывает и такое. Но, думаю, пока мы этого стрелка не изловим, точно узнать, кому и что он кричал, не получится.

– А вы изловите? – недоверчиво спросила Лена.

– Непременно. – Полковник улыбнулся как можно оптимистичнее. – Вы еще вот что мне скажите. Что потом было? Куда наш стрелок делся?

– Так в машину сел, она прямо здесь и стояла, – Ирина махнула рукой в сторону перекрестка, – каршеринговая, вся такая разукрашенная, в надписях. Вот он в эту машину сел и уехал, вон в ту сторону. И ружье с собой забрал, – добавила девушка, предугадав очередной вопрос следователя.

– Очень хорошо, замечательно. – Реваев сделал несколько пометок в блокноте. – Номер машины вы, случайно, не запомнили, ну или хотя бы название каршеринга?

– Нет, номер мне было не видно, – в голосе Ирины слышалось явное сожаление, – а машина была такая яркая, с оранжевым логотипом.

– «ТвоеАвто»? – предложил вариант Реваев.

– Да, точно! Мне всегда было интересно, зачем они название по-английски пишут.

– Это уже вне моей компетенции, – усмехнулся Реваев. – Ну что же, каршеринг, это для нас очень даже неплохо.

– Что-то я сомневаюсь, – опять вклинилась в разговор Лена, – может, он, этот стрелок, и сумасшедший, но раз так все провернул и смылся, значит, не дурак. А раз так, то он, скорее всего, по чужому аккаунту машину взял. Сейчас многие так делают, когда что-то мутят. Что? – Она обернулась на удивленно уставившуюся на нее подругу. – Я сама так не делаю. Просто как-то с парнями зависали, разговор слышала.

– Ты бы меньше с такими парнями зависала, – неодобрительно нахмурилась вторая студентка.

– Ой, а что тут такого? – удивилась Лена. – Ну посидели в баре, расслабились.

– Целее будешь, – сухо отрезала Ирина и кивнула на расстрелянный автомобиль, – здесь, вон, тоже кто-то с кем-то расслаблялся.

Лена испуганно взглянула на внедорожник и ничего не ответила.

– Скажите, – спросил девушек Реваев, – а вы эту машину, случайно, не знаете? Номера у нее такие приметные, да и сам автомобиль в глаза бросается.

– Да бросьте, – махнула рукой Лена, – здесь же МГИМО. Тут каждый второй на крутой тачке ездит, разве всех упомнишь? А там что, наши, институтские, были?

– Да, две третьекурсницы с факультета делового администрирования и один молодой человек учился на четвертом курсе, международное право изучал.

– Ой, – Лена испуганно закрыла рот рукой, – какой ужас! Только мы их точно не знаем, мы же учимся первый месяц только. На своем потоке еще не все перезнакомились. Верно? – Она оглянулась на подружку. Та молча кивнула.

– Ну что же, – заключил Реваев, – спасибо вам, девушки, что так все рассказали подробно. Правда, придется вам позже все еще раз повторить, уже под протокол. Вы сейчас в микроавтобус вернитесь, данные свои Виктории Владимировне оставьте и можете быть на сегодня свободны. А на днях я вас к себе вызову. Договорились?

– А можно во второй половине дня? – быстро спросила Лена. – А то нам сейчас занятия пропускать совсем нельзя. Сами понимаете, первый курс.

– Хорошо, – улыбнулся Реваев, – постараемся не мешать учебному процессу.

Отпустив свидетельниц, Реваев еще раз обошел неподвижно стоящий внедорожник, стараясь впитать в себя общую картину происшествия. Потом в деле у него будет много фотографий – и общих, и сделанных крупным планом, но все же нет ничего лучше, чем самому тщательно осмотреть все на месте. Только во время такого осмотра можно ощутить всю атмосферу совершенного преступления, пропитаться ею, попытаться понять, что чувствовали жертвы в последние мгновения своей жизни, и самое главное – ощутить почти незаметное, уже растворившееся в воздухе дыхание убийцы.

Во всяком случае, именно так любил говорить слушателям юридической академии давний приятель Реваева Олег Александрович Колесов, преподававший в этой самой академии уже более четверти века. Юрий Дмитриевич к подобным высказываниям относился весьма скептически, но с приятелем не спорил, считая, что будущим следователям небольшой романтический флер не повредит. Сам Реваев, работавший в следственных органах уже четвертый десяток лет, особой романтики при осмотре места совершенного преступления не испытывал, но все же собственному взгляду доверял больше, чем многочисленным сделанным криминалистами снимкам.

Прихватив с собой Мясоедова, полковник подошел к тому месту, где, согласно показаниям студенток, стояла машина убийцы. Не обнаружив ничего интересного, он дал задание установить по камерам номера каршерингового автомобиля и вернулся к микроавтобусу.

– Виктория! – подозвал он к себе Крылову, – я думаю, вам стоит сейчас отправиться напрямик в эту цитадель знаний, – он ткнул пальцем в здание института, – сходите в учебную часть, разузнайте все про наших студентов, заодно уточните по водителю, может, он тоже на кого учился. И договоритесь с администрацией. Желательно, чтобы завтра они предоставили нам возможность пообщаться с однокурсниками погибших.

– Вы хотите поговорить со всем курсом? – удивилась Крылова.

– Да, надо выступить перед всем курсом, – усмешка на лице Реваева не предвещала ничего хорошего, – точнее, даже перед двумя курсами, а еще точнее, это хотите сделать вы.

– Ну, Юрий Дмитриевич, – попыталась было возразить Вика, но Реваев не дал ей договорить:

– Что – Юрий Дмитриевич? Хотите сказать, что не имели дела с большой аудиторией? Вот самое время попробовать. К тому же это студенты. Они привыкли слушать, так что трудностей у вас, думаю, не будет. Вначале объясните всем, что произошло, а затем уже более предметно побеседуете с одноклассниками погибших, их все же не так много, ну и, может быть, кто-то из остальных вдруг захочет поделиться информацией. Озвучите свои контакты. Я думаю, молодежи будет приятнее звонить вам, чем мне, – с усмешкой подмигнул Реваев. – Ближе к вечеру жду вас у себя, часикам к пяти, вместе с Георгием подходите.

– Хорошо, – Крылова понимала, что полковник, при всей его внешней мягкости и деликатности, свое решение не изменит, – пообщаюсь и со студентами. До вечера, Юрий Дмитриевич.

– Удачи! – улыбнулся Реваев и, проводив направившуюся в сторону института Викторю долгим взглядом, пошел к своему автомобилю, припаркованному рядом с минивэном следственного комитета.

* * *

Илья Валерьевич Карнаухов – начальник Главного следственного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета – с грустью смотрел на своего старого друга.

– Ты понимаешь, Юра, что если мы это дело не раскроем, причем в самое ближайшее время, то на нас очень сильно обидятся. Причем, я бы сказал, обидятся капитально, раз и навсегда.

– Если мы не раскроем, – задумчиво повторил Реваев и едва заметно усмехнулся. – А что, Илья Валерьевич, ты тоже решил тряхнуть стариной и лично принять участие в расследовании?

– Я ничем трясти перед тобой не собираюсь, – Карнаухов не разделял ироничного настроения полковника, – мне уже и трясти-то скоро нечем будет совсем. Вот ты если дело завалишь, так и все, оттрясусь навсегда.

– Да? – притворно изумился Реваев. – Сурово-то как нынче. Раньше просто на пенсию отправляли, а теперь, надо же, с ампутацией. Я не пойму, чего ты так завелся? Ну хорошо, один Волков, сын другого Волкова, и этот Волков-папа богаче всех остальных Волковых, вместе взятых. И что? Я что-то сильно сомневаюсь, что ты бы так сидел причитал только из-за того, что отец жертвы вписан в какой-то там список «Форбс» или еще куда. Я ведь не вчера родился. У тебя на половину этого списка дела уже заведены, а на другую – готовятся. Рассказывай уж как есть.

– Как есть, – вздохнул Карнаухов, – как есть, вслух говорить не принято. В общем, ты, думаю, в курсе, что у генпрокурора, не нового, предыдущего, сын активно бизнесом занимается.

– Может, что-то и слышал, – пожал плечами Реваев. – И что, успешно занимается?

– Не задавай глупых вопросов, Юра, – вспыхнул Карнаухов, – или ты думаешь, что при таком папе хоть что-то может быть неуспешным?

– Да, хороший отец – это всегда на вес золота, – благодушно отозвался Реваев, – я вот помню, ты как-то рассказывал, у твоего Игорька бизнес не пошел. Что, – Юрий Дмитриевич хитро прищурился, – не повезло с отцом парню?

– Ты же знаешь, я фигура не публичная, – отмахнулся Илья Валерьевич, – вне нашей системы особого влияния не имею.

– Жаль, жаль! Вот был бы Игорь сейчас миллионером, мы бы с тобой на пенсию вышли, ловили рыбку где-нибудь на яхте посреди Атлантики. – Реваев огорченно вздохнул. – Так, а при чем тут прокурорский сынишка?

– А при том, Юра, что Волков Анатолий Романович, отец одного из убитых студентов, основной деловой партнер сына бывшего генпрокурора. Теперь тебе все ясно? Нервы нам трепать из-за этого дела будут каждый день, а может, и по два раза на день.

– Ну, на то ты и генерал, чтоб тебе кто попало нервы трепал, – невозмутимо отозвался Реваев, – и потом, прокурор как-никак бывший.

– Как-никак, Юра, именно, что как-никак, – возразил Карнаухов. – Его же не на пенсию убрали, а немного в сторонку отодвинули. И сколько он там в этой сторонке простоит и когда из-за угла выпрыгнет, не знает теперь никто. Кстати, замы у него все, кроме одного, на своих местах остались, так что, уверяю тебя, прокурорский надзор нам обеспечен по полной программе.

– Ладно, это я понял, – кивнул Реваев. – Мне только одно не ясно, зачем ты мне всю эту ерунду рассказываешь? Ты что, считаешь, что без этой информации я работать хуже буду?

– Юра! – взмолился Карнаухов, – давай хоть ты мне нервы сегодня делать не будешь. Знаю я прекрасно, как ты работаешь, все я знаю. Но ты пойми, мне же с кем-то поделиться надо. Я не могу здесь сидеть один в кабинете, все знать и молчать.

– Тоже мне царский брадобрей нашелся, – фыркнул полковник, – ладно, если будет совсем невтерпеж, зови, я тебя выслушаю, а так, я тебя прошу, не дергай меня постоянно. Будем работать, если будет результат, я тебе сразу же доложу. Договорились?

– Договорились, – кивнул Илья Валерьевич, – только давай твою последнюю фразу немного подправим?

– Это как? – уточнил Реваев, вставая из-за стола.

– Вы будете работать, а результат не если, а когда, – генерал сделал ударение на слове «когда», – будут результаты, ты мне сразу доложишь.

– Господи, дай мне сил вынести все это, – пробормотал Реваев и вышел из кабинета начальника следственного управления.

Несколько минут спустя Юрий Дмитриевич уже сам сидел во главе стола в своем собственном кабинете и коротко пересказывал полученную от Карнаухова информацию.

– Итак, друзья мои, вынужден вас огорчить. Отец одной из жертв – человек вхожий в весьма высокие круги. А значит, эти круги нам будут постоянно трепать нервы. Но, несмотря на это печальное обстоятельство, – полковник с усмешкой взглянул на своих сотрудников, – мы попытаемся это дело расследовать. Георгий, что у нас по записи самого расстрела? Ты видео принес?

– Один момент. – Жора с удивительной для его могучей комплекции скоростью обогнул стол и присел на корточки возле компьютера Реваева.

– А коленочки-то у тебя похрустывают, – заметил Юрий Дмитриевич.

– А вы и рады, – пробурчал в ответ Жора, выбираясь из-под стола. – Все, флешку я вставил, папка сегодняшним числом обозначена.

– Я не рад, – укоризненно покачал головой Реваев, – рад я буду, когда у тебя жена появится, детишки. Будет кому за тобой присматривать. А то ведь скоро станешь старый, немощный. Как тогда жить будешь?

– До этого еще дожить надо, – философски отозвался Жора, бросив быстрый взгляд на улыбающуюся Крылову. – Включайте третий файл, там ракурс самый удобный. Лучше всего видно. Кстати, камер не три, а четыре оказалось.

– Ну третий, так третий, – щелкнул мышкой Реваев и повернул монитор так, чтобы Виктории тоже было видно.

Качество записи было достаточно четким, и вскоре полковник, к своему огорчению, смог убедиться в том, что свидетельницы оказались правы, лицо убийцы разглядеть не представлялось возможным.

Черно-оранжевая «шкода» с огромной, через весь бок надписью «ТВОЁАВТО» решительно обогнала застывший на светофоре черный «кайен» и, развернувшись к нему боком, перекрыла путь вперед. Дверь машины тут же открылась, и из нее показалась фигура в камуфляжном дождевике. Капюшон плаща был накинут на голову, а поднятый, наглухо застегнутый воротник скрывал всю нижнюю часть лица преступника, доходя почти до гигантских, действительно напоминающих горнолыжные, очков. В правой руке нападающий держал оружие. Что именно это было, Реваев с ходу понять не смог. Следы выстрелов, оставленные на месте преступления, говорили о том, что огонь велся из гладкоствольного охотничьего оружия, но, что именно это было, определить пока не удалось. Сейчас, глядя, как человек в плаще вскидывает оружие к плечу, Реваев лишь удивленно заметил, что ствол оружия слишком короткий для охотничьего карабина.

– Обрез, – словно уловив его мысли, прокомментировал Мясоедов, – и не поленился пилить ведь.

– Может, он уже такой купил? – предположила Крылова. – Не пойдет же человек на массовое убийство со своим собственным оружием. Ну, если только он совсем не сумасшедший.

Реваев бросил на Крылову быстрый взгляд. Мысль о том, что преступление мог совершить человек себя не контролирующий, он слышал уже второй раз за день, хотя сам пока не был склонен делать какие-то поспешные выводы.

– Почему нет? – отозвался Жора. – Можно и со своим. Здесь же картечь. Мы ее к оружию все равно никак привязать не сможем. А вот ствол отпилить – это уже серьезно, такое со своим ружьем точно никто делать не станет.

Между тем стрелок на мониторе сделал два шага вперед и остановился вплотную перед черным внедорожником. Звука на записи не было, Реваев лишь увидел, как дернулось плечо стрелка после отдачи. Через мгновение коротко обрезанный ствол, как и рассказывала свидетельница, повернулся немного влево. Плечо убийцы вновь дернулось.

– Как в детском тире, – прокомментировал Мясоедов, – что ни выстрел, то приз.

Не теряя ни секунды, стрелок быстро подбежал к задней двери автомобиля и выстрелил еще раз через тонированное стекло. Вскинув оружие стволом вверх, он на мгновение замер, глядя в салон внедорожника, затем подскочил к машине и с силой дернул за ручку. Дверь распахнулась. Человек в камуфляжном плаще наклонился и заглянул в салон автомобиля.

– Смотрит, остался кто живой или нет, – не удержался от нового комментария Жора.

Очевидно, увиденное стрелка не удовлетворило. Он подался назад, отскочил на шаг от машины и, вновь вскинув обрез, выстрелил четвертый раз.

– Теперь все, – вздохнул майор.

Убийца вновь шагнул к машине и на мгновение заглянул в салон. Похоже, на этот раз все было так, как ему нужно, поскольку, не задерживаясь на месте, он подбежал к своему автомобилю, забросил обрез на пассажирское сиденье и сам уселся за руль. Не обращая внимания на красный сигнал светофора и несколько машин, проезжающих через перекресток, черно-оранжевая «шкода» рванула с места, и вскоре ее уже не было видно на мониторе.

– Ну что же, – задумчиво протянул Реваев, – все, как и говорили наши свидетельницы. Отстрелялся и уехал. С каршеринговой компанией связались?

– Да, – быстро отозвалась Крылова, – они уже мне на запрос ответили.

– И что же ты молчишь? – недовольно нахмурился полковник.

– Так только что ответ пришел. Я к вам в кабинет уже идти собиралась, и они на связь вышли.

– Хорошо. Есть данные по клиенту?

– Есть. Некто Герасимов Александр Андреевич, девяносто восьмого года рождения, проживает в Москве.

– Адрес есть? – уточнил Жора.

– Ну конечно, – кивнула Вика, – они прислали все документы, которые получили при регистрации. Так что все есть. И права, и паспорт, и фотография. Вот, я распечатала.

Крылова достала из папки и положила перед Реваевым распечатанные копии документов. С фотографии на полковника, чуть прищурясь, смотрел молодой человек с короткой спортивной стрижкой и тяжелым, выступающим вперед подбородком.

– Серьезный хлопчик. – Жора наклонился над столом, чтобы получше рассмотреть фотографию. – Вон, шея какая, как у бычка.

Мясоедов ткнул в распечатку пальцем, словно пытался нокаутировать изображение на снимке.

– Ну что, беру бойцов и едем брать душегуба?

– Поехать вы, конечно, поедете, – Реваев достал из стола бланк постановления, – только, Георгий, вы там поаккуратнее. Не факт, что парень имеет к делу какое-то отношение. Машину ведь вполне могли взять в аренду по подложным документам.

– Могли, – немного поколебавшись, согласился Жора. – Не бойтесь, Юрий Дмитриевич, доставим вам юношу в целости и сохранности. Возьмем его так аккуратненько за шейку и принесем, а уж вы там сами выводы делайте. Хотя, – Мясоедов широко улыбнулся, – если у него в прихожей на вешалке обрез висеть будет или на руках следы пороха обнаружатся, то выводы сами собой сделаются.

– Жора, ну какие следы? – возразила Крылова. – Ты видео хорошо смотрел? Руки у него в перчатках, лицо закрыто. Что там можно обнаружить?

– А ты видео еще раз пересмотри, пока я делом буду занят, – ехидно парировал Жора, рукава у дождевика какие широкие, запястья, конечно, на записи не разглядишь, но, думаю, там пороховые следы остаться могли. Был бы человек, а криминалист что-нибудь накопает, – заключил Мясоедов.

– Видео я, пожалуй, без вас один посмотрю, – вмешался в их перепалку Реваев, – у Вики своих дел хватает. И вот что, Георгий, – полковник строго взглянул на Мясоедова, – как в квартиру войдете, так мне отзовись, что все у вас нормально.

Оставшись один, Реваев вышел из-за стола и включил стоявший на тумбочке у окна чайник. Пока вода закипала, полковник с удовольствием рассматривал набравшие за лето силу многочисленные цветы в горшках, которыми был заставлен весь широкий подоконник. Особенно радовал Реваева кодиеум или, как называли его все остальные, – кротон, пересаженный им весной в новый, большего размера горшок. За последние несколько месяцев цветок изрядно разросся, а листья его налились тем ярким желто-бордовым цветом, за который кротон так ценят все цветоводы. Любуясь растением, Реваев отчего-то подумал о том, что скоро, всего через месяц, почти все деревья в городе окрасятся точно в такие же цвета, радуя глаз нечастыми в октябре солнечными днями. Вот только если для кодиеума яркая раскраска означает, что он полон сил и прекрасно развивается, то для остальной природы подобное буйство цветов означает лишь одно – скорый приход мрачной, холодной зимы, когда все вокруг вынуждено если и не умереть совсем, то притвориться мертвым на долгие месяцы, в ожидании прихода новой весны.

Чайник закипел и с громким щелчком отключился. Сняв очки и положив их на тумбочку, Реваев немного помассировал себе виски. Пульсирующая где-то в глубине боль на удивление легко отступила. Сделав себе кофе покрепче, полковник вернулся к столу и вновь открыл папку с видеофайлами. Просмотрев первый из них, Реваев сделал глоток кофе и включил следующий. Одну за другой полковник просмотрел записи со всех четырех камер, после чего допил уже совсем остывший кофе и, вынув из компьютера флешку, раздраженно бросил ее на стол.

Ни один из просмотренных видеофайлов так и не дал возможности понять, что же крикнул преступник перед тем, как сделать четвертый выстрел, да и кричал ли он что-то вообще, пока оставалось неясным.

Глава 3

Черный, с тонированными стеклами микроавтобус «Мерседес» свернул с Волгоградского проспекта и уже вскоре въезжал в битком забитый машинами двор недавно построенного на месте снесенных пятиэтажек двадцатичетырехэтажного дома. Возле одного из подъездов уныло топтался полный усатый мужчина лет сорока, в полицейской форме с капитанскими погонами на плечах.

Увидев полицейского, Мясоедов похлопал по плечу водителя.

– Давай к этому толстяку подруливай. Похоже, он нас дожидается.

Свободного места для парковки поблизости не оказалось, и «мерседес» замер прямо посреди проезжей части. Первым из микроавтобуса выскочил командир группы захвата Леня Фишман, невысокий, жилистый мужчина с цепким, настороженным взглядом карих глаз, прячущихся под густыми темными бровями. Вслед за ним, кряхтя, из микроавтобуса выбрался Жора. Остальные бойцы остались на месте, ожидая приказа своего командира.

– Лукин? – майор шагнул к участковому и протянул ему руку, тот торопливо пожал широкую ладонь оперативника.

– Он самый, – кивнул капитан. – Я так понимаю, у нас задержание.

– У нас задержание, – уточнил Жора, – ты давай к чужой славе не примазывайся.

Увидев нахмуренное лицо участкового, Мясоедов не смог удержаться от смеха.

– Да ладно, шучу, не дуйся. В рапорте отметим, можешь не сомневаться. Ключ от домофона взял?

– А то как же, – мгновенно повеселел капитан. – Заходим?

– Заходим, – отозвался Леня, – капитан, порядок, надеюсь, знаешь. В подъезд заходим, ты ждешь в сторонке. Как мы отработаем, позовем. Мы друг друга поняли?

– Да я в герои и не рвусь, – усмехнулся Лукин и первым направился к подъезду.

Фишман махнул рукой, и пять бойцов группы захвата один за другим выпрыгнули из микроавтобуса.

– Подожди! – окликнул уже распахнувшего дверь участкового Леня. – Этаж у него какой?

– Квартира же двести восьмая, я правильно понял? – уточнил Лукин у Жоры.

Мясоедов кивнул.

– Ну, значит, четвертый этаж, и окна у него на обе стороны выходят, – сообщил участковый.

– Четвертый? – нахмурился Леня. – Высоко, конечно, но дураков ведь хватает. Так, ты двигай за дом, там контролируешь, – приказал он одному из бойцов, – ну а ты, – Фишман повернулся к другому, – здесь поглядывай.

Зайдя в подъезд, Леня отправил всех трех оставшихся при нем бойцов вверх по лестнице, а сам вместе с Мясоедовым и участковым вошел в гостеприимно распахнувшиеся перед ними двери лифта.

– Леня, – когда двери лифта закрылись, произнес Мясоедов, – ты помнишь, что я тебе говорил?

– Чего именно? – вопросительно приподнял бровь Фишман.

– Мы пока не знаем, насколько этот парень в теме. Скорее всего, тупо его документы использовали, и все. Так что давайте без этого вашего фанатизма.

– А что не так с нашим фанатизмом? – хитро прищурился Фишман. – Кто-то жаловался?

– При чем тут это? – досадливо поморщился Жора. – Я к тому говорю, что усердствовать не надо сегодня. Зайдем спокойно, а ребята твои пусть в коридоре постоят покурят.

Двери лифта распахнулись.

– Они у меня все некурящие, – буркнул Фишман и первым вышел на лестничную площадку, где его уже дожидались бойцы группы захвата.

Тяжелая железная дверь отделяла общий для четырех квартир тамбур от лестничной площадки. Изучив номера квартир, подписанные под дверными звонками, участковый нажал одну из кнопок. Звук звонка слышно не было, и, подождав некоторое время, капитан позвонил еще раз.

– Приличные люди в квартире живут, работают, – заключил Мясоедов, – звони другим.

Во второй квартире также никого не оказалось, и только после третьей попытки послышался сначала шум открываемой двери, а потом медленные, шаркающие шаги. Подошедшая к двери пожилая женщина сперва тщательно изучила в глазок удостоверение Лукина и только потом, с явной неохотой, отперла дверь. Выслушав просьбу участкового, она некоторое время молчала, недовольно поджав губы, после чего, с явным сомнением в голосе, спросила:

– И что я, по-вашему, у него попросить должна? Пистолет?

– Почему пистолет? – оторопел участковый.

– Раз вы пришли брать его, значит, бандит, – объяснилась женщина, – а раз бандит, так, значит, у него наверняка и пистолет имеется.

– Нет у него никакого пистолета, – как можно убедительнее заверил Жора. – Что люди обычно у соседей просят? Соль, спички. Вот и вы попросите.

– Я у соседей ничего не прошу, – презрительно посмотрев на Жору снизу вверх, отозвалась женщина. – Ладно, позвоню. Но если у него окажется пистолет, – она обернулась и грозно помахала указательным пальцем перед носом Лукина, – я на вас жалобу напишу самому министру, что вы пожилую женщину под пули подставляете.

Не дожидаясь ответа от растерявшегося участкового, пенсионерка все той же шаркающей походкой направилась к двери квартиры Герасимовых. Мясоедов и Фишман последовали за ней. Бойцы группы захвата тоже зашли в межквартирный тамбур, отчего стало совсем тесно. Взглянув на их защищенные бронезилями спины, Лукин пришел к выводу, что его помощь в проникновении в квартиру явно не потребуется, и благоразумно остался на лестничной площадке.

– Вам кого? – послышался недовольный голос из-за двери.

– Мне? Кто дверь откроет, мне вот того, – решительно отозвалась женщина, – сахарку хотела у вас одолжить. Собралась чаю попить, а дома сахара и нет, оказывается.

За дверью молчали, словно раздумывая, стоит ли открывать.

– Ты меня не слышишь аль чего? – поинтересовалась соседка. – Или у тебя глазок сломан? – Она с силой постучала по выпирающему из двери стеклянному кругляшку.

Замок дважды щелкнул, отпираясь. Мясоедов мгновенно отжал плечом пенсионерку от двери, после чего ее мгновенно подхватили и повлекли все дальше, к выходу на лестничную площадку, руки бойцов группы захвата. Как только дверь начала открываться, Жора правой рукой потянул ее на себя, а левую поднял, демонстрируя удостоверение.

– А мы к вам, – улыбнулся он стоявшему за дверью крепкому молодому парню в синей футболке, обтягивающей его мощный торс.

«Не наш клиент», – сразу понял Жора, мгновенно оценив фигуру Герасимова. Парень, хотя и был широк в плечах, ростом не задался, в нем от силы было метр шестьдесят, может, на пару сантиметров больше. Стрелок же, хотя его фигуру и нельзя было толком рассмотреть из-за мешковатого дождевика, был среднего роста, сто семьдесят пять – сто восемьдесят сантиметров.

Хозяин квартиры, мельком взглянув на удостоверение Мясоедова, попытался было потянуть дверь на себя, но с таким же успехом он мог попробовать подтянуть к двери квартиру.

– Да вы не пугайтесь, – Жора, словно не замечая сопротивления, открыл дверь пошире и шагнул в квартиру, – нам надо с одним недоразумением разобраться.

– Ну да, конечно, – кивнул молодой человек, отступая назад. – Это я, что ли, недоразумение?

Тот момент, когда Герасимов выхватил пистолет, Жора из вида упустил. Он стоял, удивленно уставившись в направленный прямо ему в грудь ствол «макарова».

«Неужели боевой, – удивился Жора, – интересно откуда?» – а вслух произнес:

– Парень, ты так не чуди! В людей нельзя так пистолетом тыкать, особенно в тех, кто при исполнении.

– Да ладно, – усмехнулся Герасимов. Лицо его побледнело, и застывший в дверном проеме майор понял, что стоящий перед ним человек имеет гораздо более богатый жизненный опыт, чем можно было предположить.

Раздался выстрел. Жора вздрогнул и тут же, почувствовав сильный удар в голову, начал заваливаться на пол.

* * *

Миниатюрный «смарт» лихо промчался по Севастопольскому проспекту и наконец въехал в Ясенево. Свернув на первом же светофоре налево, зелененький автомобиль неторопливо покотился по улочке с живописным названием Соловьиный проезд. Сама улица была примечательна тем, что стандартные девяти- и шестнадцатипятиэтажные дома возвышались только по одну ее сторону. На другой стороне домов не было вовсе, там уже начинался Битцевский лесопарк. Еще не начавшие желтеть деревья молчаливой толпой взирали на город, остановивший свое наступление всего в шаге от них. Бесконечно разрастающийся город, равнодушно уничтоживший многие тысячи их собратьев, по какой-то необъяснимой, только ему ведомой прихоти провел именно в этом месте границу своей кровожадности. Подобных границ на самом деле было много. Очень часто они нарушались, а порой и вовсе стирались, после чего бесследно исчезали новые тысячи берез, лип, осин, беспомощно простирающих к небу свои ветви в еле слышной мольбе о спасении. Но в этом месте, как ни странно, граница еще держалась.

Глядя на пышные кроны растущих вдоль дороги гигантских лип, Крылова подумала, что было бы неплохо оставить «смарт» где-нибудь на опушке леса, выйти из машины и пойти гулять, скрывшись от городского шума и нерешенных проблем на тенистых тропинках парка. Очевидно, точно так же рассуждал и преступник. Во всяком случае, ставшую ненужной «шкоду» он бросил именно здесь, в Ясенево, в небольшом парковочном кармане, где обычно оставляли свои авто любители пеших прогулок.

В разгар рабочего дня машин на площадке было всего две. Брошенный преступником каршеринговый автомобиль и припаркованный метрах в десяти от него микроавтобус следственного комитета. От одной машины к другой, задумчиво ссутулясь, слонялся молодой сержант патрульно-постовой службы. Увидев миниатюрный зелененький автомобильчик, сержант не смог сдержать улыбку, а когда из машины показалась пара стройных ножек, почти не прикрытых съехавшей наверх, к бедрам, юбкой, улыбка молодого патрульного стала еще шире. Однако, как только Крылова захлопнула дверцу своего автомобиля и, одернув юбку, направилась к брошенной преступником «школе», на лицо сержанта вновь вернулось присущее почти всем одевающим на работу людям суровое выражение.

– Гражданочка! – Сержант вскинул вперед руку так, что если бы Вика моментально не замерла на месте, то наверняка бы уперлась грудью в выставленную ладонь. – Нельзя сюда. С другой стороны обойдите.

– Свои, сержант, пропускай! – выкрикнул вышедший из-за микроавтобуса Шаров раньше, чем Крылова успела достать удостоверение.

– И снова здравствуйте, Евгений Геннадиевич, – поприветствовала его Виктория, с улыбкой обходя сержанта, – быстро вы, однако, сюда добрались.

– Ой, бросьте, – отмахнулся Шаров, – с таким водителем, как у нас, не знаешь, куда быстрее домчишь – в адрес или напрямиком на тот свет.

– А что не так-то? Нормально доехали, – слышался возмущенный голос из кабины микроавтобуса.

– Видишь, он еще и подслушивает. – Шаров обвиняюще ткнул пальцем в кабину. – Вот скажи мне, голубчик, – повернулся он к водителю, – куда так лететь, если все уже давно умерли, причем совсем в другом месте? Мы что, реанимация? От нас все, что требуется, – это приехать и зафиксировать. Приедем мы на пять минут раньше или на десять минут позже, разницы никакой, фиксировать все равно будем одно и то же.

Ничего не ответив, водитель поднял стекло и отвернулся.

– Вот, – горестно развел руками Шаров, – вот она, молодежь! Никакого уважения к старшим. Хорошо хоть, – он с ласковой улыбкой взглянул на Крылову, – вы составляете приятное исключение из этого правила.

Не зная, что ответить, Вика улыбнулась ему в ответ.

– Ну пойдемте, покажу вам, что мы тут имеем.

Шаров подхватил Викторину под руку и повлек за собой.

– Хорошего мы, в принципе, ничего не имеем, поскольку салон машины выгорел полностью, да и на кузове красочка вся пузырями пошла.

– То есть на то, что остались какие-то следы преступника, можно не рассчитывать?

– Какие следы, – Евгений Геннадиевич скривился, как от зубной боли, – какие следы, Викуся? Выгорело все напрочь. Судя по тому, как горело, в салоне было изрядное количество бензина, я думаю, в пластиковых бутылках. Следов тары никаких не осталось.

– Да уж, – Крылова с грустью смотрела на обгоревший кузов «шкоды», – получается, я зря ехала.

– Как же это зря! – возмутился Шаров. – Во-первых, вы украсили своим присутствием это весьма живописное место. – Он артистично махнул рукой в сторону леса. – Во-вторых, вы должны зафиксировать все, что мы здесь обнаружили, в протоколе осмотра.

– Так мы же ничего не обнаружили, – удивилась Вика.

– Вот это как раз и надо зафиксировать, – назидательно произнес эксперт, – причем даже более тщательно, чем если бы мы нашли что-то стоящее. Кто знает, как оно у вас дальше с этим делом сложится. Бог даст, раскроете, но ведь может и так выйти, что дело подвиснет. И вот тогда, чем больше у вас будет всяких бумажек, а в них много-много разных грамотно написанных буковок, тем проще вам будет объяснить руководству, почему так все вышло. Ну да, впрочем, что я вам это рассказываю. У вас для этого Реваев есть. Юрий Дмитриевич в таких тонкостях лучше меня разбирается.

– Ну да, – была вынуждена согласиться Крылова, – бумаг чем больше, тем лучше. Порой кажется, что ничего и не сделано, а бумаг уже столько, что сама удивляешься, что в них написано.

– Кстати, есть ведь, и в-третьих, – продолжил Шаров, – вам, как девушке молодой, красивой, будет, думаю, интересно. Капитан, иди сюда! – окликнул он стоявшего метрах в десяти от сгоревшей машины молодого человека, беззаботно любующегося зелеными зарослями.

Мужчина обернулся и легкой пружинистой походкой спортсмена приблизился.

– Вы же еще не знакомы? – уточнил Шаров. – Тогда знакомьтесь.

– Михеев Геннадий, – представился капитан.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что капитан совсем молод, на вид ему не было и тридцати. Взглянув на Вику, он застенчиво улыбнулся и тут же отвел взгляд в сторону.

– Я так понял, Геночку Юрий Дмитриевич из Юго-Западного округа к себе вытребовал, – объяснил Шаров, – ваш ведь этот, бугай, один ходит. Вот по этому делу вместе поработают.

– Да мы всем отделом с вами работать будем, – вновь улыбнулся капитан, – ну а меня откомандировали в полное распоряжение полковника Реваева. А он не приехал?

– А он не приехал, – отозвалась Вика, с любопытством разглядывая приятное, открытое лицо капитана. – Виктория Крылова.

– Видишь, Гена, с каким человеком тебе познакомиться удалось, – вновь затараторил Шаров. – Мало того что Вика самый одаренный молодой следователь всего Центрального управления, так она еще там и самая первая красавица! Что? – Евгений Геннадиевич покопился на Вику. – Что ты такое лицо делаешь? Это, между прочим, не я сам придумал. Все со слов твоего ненаглядного Реваева.

– Вот прям так и все, – усмехнулась Крылова.

– Ну, про одаренного следователя это точно он мне рассказывал, – заверил Шаров, – а то, что ты красавица, – это мы с Геной и так видим. Гена, я правильно говорю?

– Так точно! – громогласно отозвался Михеев.

– Да что ж ты мне на ухо так орешь! – поморщился криминалист. – Ладно, я вас, молодежь, оставлю. Мне еще несколько фотографий сделать надо, а вы тут воркуйте.

Продолжая бубнить себе под нос, криминалист удалился. Виктория и Геннадий смущенно смотрели друг на друга, не зная, с чего начать разговор.

– Я так поняла, никаких следов преступник нам не оставил.

– Если не считать сгоревшей машины, то, похоже, так и есть, – развел руками Михеев. – Когда мы приехали, пожарных уже не было, тут только из каршеринговой компании да со страховой пара менеджеров покрутились, но они минут десять назад как уехали.

– Под камеру машина не попадает? – Крылова в тщетной надежде огляделась по сторонам.

– Нет, я уже все осмотрел, сюда ничего не бьет, – покачал головой оперативник, – улицу отсматривать, скорее всего, тоже особого смысла не имеет. Вряд ли он так глуп, что прямо здесь пересел на другую машину. Скорее всего, немного прошелся лесочком. Тепло, погода хорошая. Вышел где-нибудь в Коньково или Чертаново, а там уже взял транспорт.

– Ну да, в лесу и переодеться можно незаметно, – согласилась Крылова, – но вы на всякий случай запросите записи с ближайших камер. Выясним точное время. Когда он здесь оказался, ну и мало ли, вдруг так окажется, что приехала сюда одна машина, а уехала другая.

– Я понял. Сделаю, – кивнул капитан.

* * *

– Больно ведь, идиот! – возмущенно пожаловался Жора.

– В следующий раз я тебя вообще прибую, – в тон ему отозвался Фишман, пряча пистолет, рукояткой которого он со всей силы и врезал Мясоедову, – лежи тихо и радуйся, что я так быстро стреляю.

– Я радуюсь, не то слово как радуюсь. – Жора осторожно потрогал стремительно багровеющее ухо. – По голове-то зачем бить?

– А ты скажи мне, Жорик, – Фишман присел на корточки рядом с оперативником, – я разве в твою работу лезу? Ты говоришь – в эту квартиру входим, мы входим. Я ведь не лезу к тебе с советами, не говорю, а давай еще соседнюю дверь вышибем, она тоже симпатичная. Чего молчишь? Так ведь?

– Ну, так, – уныло согласился Мясоедов.

– А раз так, то с какого перепуга ты всегда впереди меня пролезть норовишь? Нет, ты, если очень хочешь, можешь к нам из оперов перейти, я тебя даже возьму. Нам как раз такого лося надо, двери ломать будешь.

– Ладно уж, разошелся.

– Ладно? Ладно, если бы этот ушлепок тебя пристрелил. Вот это было бы ладно. Кроме Вики, никто бы и не расстроился. А ведь могло так выйти, что я бы его грохнул. Что тогда? Ты представляешь, сколько потом бумажек заполнять надо? А ты знаешь, как я это не люблю?

Фишман подошел к лежащему на полу Герасимову и присел рядом с ним на корточки.

– О, попал как удачно, в плечо. Слышишь, Жорик, теперь наверно поощрят меня.

– Наверняка. – Мясоедов с трудом поднялся на ноги, чувствуя, как гул в голове понемногу начинает ослабевать. – Ты прям снайпер!

– Так-то я в голову целился, сплоховал, – признался Леня. – Но удачно!

Мясоедов подошел к раненому, наклонился и рывком поставил того на ноги. Герасимов застонал, ухватившись левой рукой за простреленное правое плечо.

– Что, больно? – ехидно осведомился Мясоедов. – А я тебе говорил, что нельзя оружием в людей тыкать. Ты, кстати, где ствол взял, уродец?

Раненый вновь протяжно застонал и еле слышно произнес:

– Что-то... что-то плохо мне... совсем плохо.

– Это хорошо, что тебе плохо, – без всякого сочувствия отозвался Жора, защелкивая на руках Герасимова наручники, – сейчас ты мне на все вопросы ответишь, тебе сразу лучше станет.

– Кровью изойду сейчас, перевязать надо, – испуганно забормотал Герасимов, – скорую вызовите!

– Обойдешься, – отрезал Жора. – Пошли-ка в комнату, пообщаемся. На все ответишь, будет тебе скорая. Долго будешь думать, есть риск, что она тебе не понадобится. Вперед!

Жора втолкнул парня в комнату и, обернувшись к Фишману, прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.